

ПРОПОЗИЦИОНАЛЬНЫЕ УСТАНОВКИ И ИНТЕНСИОНАЛЬНЫЕ СУЩНОСТИ*

В этой статье будут рассмотрены содержательные основания комбинирования в рамках системы общей интенциональной логики теории интенциональных сущностей (теории смысла) и теории пропозициональных установок. Мы остановимся, с одной стороны, на причинах, по которым различие «субъективного» и «объективного» в интенционалиях оказывается необходимым в анализе пропозициональных установок в силу природы знания, с другой стороны, на вопросе о природе смысла как такового, с тем чтобы указать путь привлечения в теории смысла субъекта пропозициональных установок.

Характеристики знания и его регулятивы

В традиции бикомпонентного анализа значения, которая восходит к Готлобу Фреге, интенциональными сущностями, или интенционалиями, называют в логике объекты, сопоставляемые выражениям интерпретируемого языка в качестве смысла, т. е. второго аспекта их значения. Первым аспектом значения является денотат, который для именных выражений понимается как предмет или класс, а для предложений — как одна из констант «истина» или «ложь». Объяснение того, что такое смысл выражения, — проблема для любой системы семантических понятий. В самом общем виде смысл определяется как способ, каким задан денотат, и для каждой логической системы, привлекающей интенционалии, такое определение требует интерпретации и уточнения. В частности, встает вопрос о природе смысла, который неизбежно приводит к разграничению смыслополагания как мыслительного акта и непосредственного использования смысла в качестве семантической единицы при употреблении выражений языка. Этот вопрос связан с другим: что в явном знании смысла выражения и в уже не всегда явном умении использовать смысл при интерпретации выражений доступно всем субъектам в равной степени как его «объективное» содержание, а

---

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, грант № 06-03-00464а.

© И. Б. Микиртумов, 2006

что остается «субъективным», т. е. изолированным сознанием одного субъекта компонентом такого знания, который либо несуществен, либо недоступен для других. Такое определение «субъективного» и «объективного» можно считать приблизительным, как и сам выбор этих слишком перегруженных терминов.

Для описания эпистемических установок и логического анализа умозаключений, в которых фигурируют предложения, содержащие эпистемические установки, придание смыслу выражения «объективного» или «субъективного» статуса становится очень важным. Если в умозаключении, построенном по схеме парадокса анализа, смысл подоператорного выражения рассматривается как «объективный», то такое умозаключение может претендовать на то, чтобы быть верным, например:

Саша знает, что $2 + 3 = 5$

Сумма чисел 2 и 3 равна сумме чисел 3 и 2

Саша знает, что $3 + 2 = 5$.

Вывод здесь обосновывается тем, что мы считаем невозможным знать, что такое сложение, не зная, что оно коммутативно, и приписываем всем субъектам одинаковые знания определенных свойств сложения, если они *знают*, что такое сложение. Набор таких свойств связан как с содержанием самого знания, так и с привычным для коммуникации многообразием контекстов использования знания. Оно одинаковым образом проявляется во всех сходных случаях своего применения разными субъектами, но может иметь «субъективные» стороны, которые не проявляются никогда. Например, если некая ученица терпит неудачу у доски при доказательстве теоремы Пифагора и получает позорную «двойку», за которой следуют прочие санкции, то теорема Пифагора может навсегда остаться в ее памяти прочно связанной с неприятностями, стоянием в углу, отваливающимися в этом углу обоями, и пр. Однако очень трудно или невозможно подобрать контекст, в котором эти аспекты «знания» теоремы Пифагора как такового могли бы сказаться в ее применении школьниками.

Можно было бы представить себе такую ситуацию. Ученые из педагогического НИИ предложили ученикам анкету, в которой различным математическим объектам, положениям, теоремам и пр. сопоставлялись бы цвета, настроения, музыкальные мотивы, картинки и т. п. Наша ученица выбрала бы для теоремы Пифагора нечто невеселое — «Умирающего лебедя» и серый цвет, а, напри-

мер, для постулата о параллельных, который изучался в теплую сентябрьскую погоду и с хорошими оценками, — «Марш энтузиастов» и кумач. Очевидно, что вероятность совпадения пунктов анкет у разных учеников класса очень мала — субъективный аспект представления и бытования знания проявляется здесь в полной мере, но это не собственно знание теоремы и постулата.

Возьмем другой пример. Педагог-новатор обучил детей доказывать терему Пифагора, закрашивая разными цветами прямоугольники, квадраты и треугольники на чертеже. Некий не самый сообразительный ученик запомнил порядок закрашивания и справлялся с рядом заданий, стереотипно используя эту методику. Но, столкнувшись с более сложным заданием, в котором он не смог понять, что и как пужно закрасить, этот ученик потерпел неудачу.

Здесь речь идет уже о содержании знания, по это содержание представляет собой знание теоремы Пифагора, преломленное методом подачи. Иными словами, ученик так и не узнал теорему Пифагора как идею, не сумел отделить ее от «упаковки». Но если бы все предлагаемые ученику задачи допускали решение известным ему методом, то того знания, которым он располагает, ему было бы достаточно. Удачный пример подачи знания можно найти в школьной физике в виде правила буравчика. Не будем вдаваться в детали того, к каким физическим явлениям оно относится и какого рода знание «упаковывает». Правило буравчика действует на всем пространстве школьной физики и, заменяя громоздкую и непрозрачную формулировку определенного физического закона, дает ученику знание этого закона в удобной форме без ущерба для практического применения. Вполне возможно, что при переходе к более сложным разделам физики пользоваться правилом буравчика уже нельзя. Если же оно универсально применимо, то такого рода подача знания оказывается наилучшей.

Специфика знания как знания «субъективного» может складываться из различных характеристик. Пусть имеется инвариантная сущность теоремы Пифагора, к схватыванию которой устремлены усилия учащихся по преодолению тех или иных педагогических «упаковок» и от которой отталкиваются педагоги, создавая такие «упаковки». Многообразие педагогических методов объясняется тем, что педагоги не доверяют разуму своих учеников, считая, что, чем более «вульгаризирована» сущность преподаваемого знания, тем легче она будет усвоена. Вариантов такой «вульгари-

зации» множество, и каждый из них использует ассоциации, примеры, наводящую терминологию, сравнения, иллюстрации, схемы и т. п., считая их не затрагивающими сущность знания. «Хорошая» методика — это та, которая одобрена педагогическим сообществом как сохраняющая сущность знания, но упрощающая схватывание этой сущности. Возможно ли это? Не таким ли методом изучения геометрии хотел воспользоваться один древний военачальник, на что получил ответ о «царском» пути в геометрию? Можно ли при прочих равных условиях, т. е. устранив словесную путаницу и путаницу мыслей, избрать некий наилучший путь к теореме Пифагора?

До сих пор мы рассуждали в рамках предположения об инвариантной сущности знания, некотором «объективном» смысле, который так или иначе схватывается, когда мы в полном смысле этого слова *узнаем*. Особенность такой точки зрения состоит в том, что между знанием теоремы Пифагора и ее незнанием нет промежуточного состояния. Однако это не совсем так. Скрытая посылка состоит здесь в том, что существует знание теоремы Пифагора некоторым мыслящим существом, которое рассматривается как эталонное. Пусть это будет гениальный математик Гипотенузин. Как существо конечное, он использует свое знание теоремы Пифагора конечное число раз и всегда правильно. Но под знанием сущности теоремы Пифагора мы понимаем способность правильно использовать ее в любом из бесконечного числа частных случаев. Иными словами, мы можем вменить субъекту, знающему некоторый общий закон, знание всех его частных приложений. В эпистемической логике это будет оправдывать переход от $K(i, \forall x Ax)$ к $K(i, At)$ для любого субъекта i и любого t , если K есть оператор «знать», который интерпретируется в качестве знания сущности пропозиции как некоторого всеобщего инварианта ее содержания. (Это, заметим, не означает логического всеведения.) Но такой переход и такое вменение требуют своего обоснования, поскольку они могут быть полностью оправданы только в случае божественного разума, который, правда, может обойтись без общих законов. Вменить «объективное» знание теоремы Пифагора математику Гипотенузину, при всей его гениальности, мы можем только при определенных условиях, а именно ограничивая коммуникативное пространство рядом контекстов и presupпозиций.

История знания в целом и история точных наук демонстрируют зависимость интерпретации и использования любого знания от

исторически сложившихся обстоятельств его возникновения и бытования. Ситуация была бы иной, если бы наука и педагогика могли ссылаться на божественный разум как абсолютный эталон, что, конечно, невозможно в силу самой природы божественного. Имея дело с постоянными модификациями сферы применения знания, мы не можем полностью охватить его сущностное, незыблемое, «вечное» содержание даже в случае теоремы Пифагора. То, что представляется нам ее сущностью здесь и теперь, может оказаться лишь частью ее содержания завтра. По-видимому, это будет относиться к любому знанию — как к синтетическому, так и к аналитическому в кантовском смысле. Отметим, что мы не подвергаем сомнению возможность мыслить сущность теоремы Пифагора как самотождественный объект онтологии и как регулятив всех возможных случаев применения ее знания, но эта сущность не может быть схвачена как таковая во всей полноте своего содержания, придающего ей качество регулятива, никаким конечным мыслящим существом.

Пожалуй, только сущность законов логики, в силу их формальной природы, может показаться доступной полному постижению. Но за формальностью законов логики скрываются сложные абстракции, точно так же, как и за формальностью грамматики. Для современного философского взгляда логические и грамматические конструкции языка могут предстать как приводные механизмы, с помощью которых через язык устанавливаются отношения власти и господства. И если сегодня такая точка зрения на язык рассматривается как новаторская, то завтра она может стать общим местом. Логика и грамматика могут однажды утратить свою привычную толерантность, точно так же, как алгебра приобрела ее, перейдя когда-то из кабинета каббалиста в кабинет ученого или инженера.

Таким образом, «объективное» в пропозициональных установках, в знании интенциональных сущностей ускользает, оказывается обусловленным, зависимым от разнообразных обстоятельств, по все-таки противопоставленным «субъективному». Это значит, что мы должны говорить о понятиях «объективного» и «субъективного» в знании смысла в связи с теми или иными критериями их подразделения и в связи с определенными контекстами языка и коммуникативными процессами. Поэтому критерием «объективности» знания будем считать оправданность его вменения субъекту в умозаключении вида

$K(i, A)$

Смысл A в данном контексте «объективно» неотличим от смысла B

$K(i, B)$.

Здесь мы можем обходить характеристики субъекта и не указывать на неразличимость смыслов выражений A и B именно для него, поскольку предполагаем «объективный» в данном контексте характер смысла, т. е. неразличимость этих смыслов для всех субъектов.

Итак, различение «объективного» и «субъективного» смыслов позволяет обходить парадокс анализа за счет вменения субъекту знания определенного вида. Но что это может дать собственно логической теории смысла? Какой эффект может дать совмещение этой теории с логикой эпистемических установок?

Некоторые логические свойства смысла

Если смысл выражения понимается как процедура, способ, метод и т. п., в ходе осуществления которых некоторая сущность сопоставляется выражению языка-объекта как его денотат, то такая процедура представима в виде метаязыковой функции в неинтенциональных системах и допускает именование в языке-объекте систем общей интенциональной логики. В качестве денотата выражения языка фигурирует какой-либо объект, причем «быть объектом» означает «быть тем, о чем можно делать утверждения или отрицания в метаязыке». Поскольку смысл действует как операция, в метаязыке ему соответствует функциональное выражение. В логической теории смысла, которая строится как общая интенциональная логика¹, т. е. как экстенциональная система, в которой допускается именование интенциональных сущностей, для каждого выражения языка A имя его смысла можно ввести как $(A)_1$.

¹ Наиболее известными из систем общей интенциональной логики являются системы Ричарда Монтегю (Монтегю Р. 1) Прагматика // Семантика модальных и интенциональных логик / Пер. с англ.; Под ред. В. А. Смирнова. М., 1981. С. 254–279. 2) Прагматика и интенциональная логика // Там же. С. 223–253). К числу более поздних систем общей интенциональной логики можно отнести логику синонимического изоморфизма (Anderson C. A. General Intensional Logic // Handbook of Philosophical Logic / Ed. by D. Gabbay, F. Guenther. Dordrecht, 1984. Vol. II. P. 355–385), построенную как версия логики смысла и денотата Алонзо Чёрча (Church A. A. Formulation of the Logic of Sense and Denotation // Structure, Method and Meaning / Essays in honor of H. M. Sheffer. New York, 1951. P. 3–24), системы логики свойств, отношений и пропозиций, а также ряд других систем.

Принцип бикомпозициональности значения обязывает искать для любого выражения как денотат, так и смысл. Это значит, что для выражения вида $(A)_1$ можно построить выражение $((A)_1)_1$ как имя его смысла, и т. д. Лингвистическое оправдание такой свободы порождения интенциональных сущностей состоит в том, что мы легко образуем имена вида

*«смысл выражения A »,
«смысл выражения “смысл выражения A ”»,
«смысл выражения “смысл выражения (“смысл выражения A ”)”»*

и, несмотря на некоторую тяжесть восприятия, всегда в состоянии адекватно понять такие выражения. Практическое же использование элементов получающейся бесконечной интенциональной иерархии становится необходимым тогда, когда трудности, возникающие при интерпретации выражений, содержащих, например, автореферентные ссылки, пусть даже не приводящие к парадоксам, заставляют детально изучать семантические отношения компонентов этих выражений. Интенциональная иерархия предоставляет техническую возможность реализовывать сколь угодно точное различение выражения языка и его денотата.

Возможны разные уточнения процедурного понимания смысла, среди которых нам кажется предпочтительным подход Н. А. Шанина. Он определяет смысл предложения следующим образом: «При вполне финитарной ситуации человек, формулирующий с утвердительной интонацией какое-либо суждение в качестве своего знания о некоторых связях между объектами, о которых идет речь в суждениях, фактически сообщает следующее: вот зашифрованное описание определенного эксперимента, и его ожидаемым результатом является определенный “сигнал” — Булева константа “И” (или слово “истина”). Таково возможное уточнение при вполне финитарных ситуациях интуитивных представлений, связываемых обычно с термином “смысл суждения”»². Такое понимание смысла предложения близко определению Чёрча, согласно которому знать смысл предложения означает знать условия, при которых оно истинно³. Это определение можно сформулировать и так: смысл предложения — это процедура проверки его истинности.

² Шанин Н. А. Некоторые черты математического подхода к проблемам логики // Вестник С.-Петербург. ун-та. 1992. Сер. 6. Вып. 4. С. 10–20.

³ Чёрч А. Введение в математическую логику. Т. 1 / Пер. с англ. М., 1960. С. 31–32.

В определении Шанина присутствует ограничение «вполне финишной ситуацией», которое соответствует требованию, по меньшей мере, потенциальной осуществимости «эксперимента», независимо от того, упомянуты в суждении ментальные сущности или такие, которые допускают практическое оперирование. Это значит, что подразумеваемый эксперимент всегда является мысленным либо по природе своих объектов, либо как результат экстраполяции практических методов на конструируемую реальность, получаемую в результате абстрагирования от тех или иных свойств мира, например от его физической конечности, от временных рамок проведения экспериментов, от свойств субъектов пропозициональных установок, и т. п. Осмысленность предложения означает, во-первых, что всякий употребляемый в нем термин языка является осмысленным, т. е. имеет денотат, и, во-вторых, что каждый такой денотат доступен для мысленной или практической — в зависимости от контекста — процедуры проверки предложения. Если нарушается первое требование, то предложение является бессмысленным: «*Абырвалг курдывается*», а если нарушается второе — то неопределенным по своему значению: «*Число, большее всех натуральных, приятно пахнет*». Последнее означает, что процедура проверки предложения известна, но не может быть осуществлена — нельзя найти такой объект, который являлся бы числом, большим, чем все натуральные, и который при этом можно было бы нюхать⁴. Существуют также процедуры, осуществление которых не может быть завершено. Они могут быть сопоставлены в качестве смысла парадоксальным высказываниям, таким как «*Это высказывание ложно*», или так называемым необоснованным высказываниям⁵ вида «*Это высказывание истинно*». Есть и пары высказываний, для которых значение одного зависит от значения другого, например:

- (А). Высказывание (В) истинно.
 (В). Высказывание (А) ложно.

Для любого из них семантическая процедура установления значения никогда не завершится. Требования, чтобы процедуры проверки предложений были потенциально осуществимы и (или) эф-

⁴ Впрочем, приписать этому предложению значение «ложь» можно на основании того, что числа не пахнут вовсе, но это требует проверки предложения «числа не пахнут» и совершения умозаключения.

⁵ Это понятие используется в известной работе Саула Крипке (Kripke S. Outline of a theory of truth // Journal of Philosophy. 1975. Vol. 72. P. 690-716).

фективны, т. е. завершались в конечное число шагов (при принятых абстракциях), налагает ограничения как на богатство используемого языка, так и на способы его интерпретации.

Существенный момент приведенного определения Шанина связан с тем, что выражение именно *произносится* и его произнесение имеет специфический характер. Произнесение здесь не означает обязательно произнесения вслух, но любое прагматическое оформление выражения, оказывающее аналогичное воздействие на адресата высказывания, будь то читатель, слушатель и т. п. Утвердительная интонация или, напротив, интонация, выражающая различной степени сомнение (неприятие, раздражение) демонстрирует определенную установку говорящего относительно смысла высказываемого им предложения. Это означает, что, описывая в этом случае смысл предложения, мы не можем не иметь гипотез относительно смысла, который вкладывается в предложение субъектом, и не можем сами не сопоставлять предложению смысл, который, возможно, отличен от смысла, вкладываемого субъектом. Это может сделать логический анализ смысла анализом специфических пропозициональных установок субъектов, вводящих выражение как *упоминаемое* в контексте утверждающего или отрицающего высказывания. Упоминание выражения, в отличие от его употребления, явным образом отсылает к смыслу. В самом деле, нам не придет в голову спрашивать об альтернативе смысла высказывания «*Берегись!*», если такой смысл уже схвачен нами в определенной ситуации, но его цитирование вне контекста

*Он выскочил из-за угла, закричал: «Берегись!», —
и затем растворился в воздухе*

обращает нас к спектру возможных смыслов, который может содержать смысл, новый для нашего опыта. К семантической характеристике высказывания присоединяется здесь прагматическая. Тем самым определение Шанина легализует анализ прагматики в логическом исследовании, а семантический анализ пополняется новыми средствами.

Интерпретация высказывания, которая начинается тогда, когда оно произнесено, т. е. когда определены ситуация, персона говорящего, его адресат, интонация и пр., оказывается анализом смысла прозвучавшего выражения языка в его взаимосвязи с ситуацией произнесения. Тематическое обращение к смыслу становится возможным только тогда, когда выражение выведено из актуального

употребления, т. е. когда оно берется вместе с описанием ситуации произнесения, что образует его цитирование. Тем самым производится указание на процедуру, соответствующую смыслу предложения. Последний оказывается сущностью, с которой мы имеем дело в разнообразных прагматических ситуациях, причем привычным образом, потому что знание языка подразумевает умение обходиться со смыслами его выражений. Использование специфических пропозициональных установок, а именно установки утверждения, порождает специфическую логику. Например, утверждение

Это высказывание ложно

имеет следующее содержание:

*Проверка предложения «Это высказывание ложно»
даст результат «И».*

Поскольку такая проверка сводится к реализации бесконечной (замкнутой) процедуры, результат «И» не может быть получен, и само исследуемое предложение оказывается, по меньшей мере, неистинным. Будет ли оно ложным — зависит от принимаемых семантических определений. Если быть ложным — это не то же самое, что не быть истинным, то наличие процедур проверки предложений, которые не могут завершить свою работу, приводит к трехзначной логике, как, например, в семантике неподвижной точки Крипке⁶.

В традиции, восходящей к Расселу, смысл предложения рассматривается как *пропозиция*, т. е. мысленный образ положения дел или, уже в терминах Фреге и Чёрча, концепт истинностного значения⁷. Такое понимание лишь отчасти совместимо с трактов-

⁶ Kripke S. Outline of a theory of truth. P. 690–716.

⁷ Мы используем термин «пропозиция» там, где Чёрч использует термин «proposition», а Фреге — «Gedanke». Перевод «proposition» как «суждение», который используют переводчик и редактор русского перевода книги Чёрча (Чёрч А. Введение в математическую логику. Т. 1 / Пер. с англ. М., 1960. С. 31–32) В. С. Чернявский и В. А. Успенский, на наш взгляд, все-таки неудачен. Во-первых, имеется сложившаяся терминология традиционной формальной логики, в которой термин «суждение» используется для обозначения высказываний, которые могут быть истинными или ложными. Во-вторых, с термином «пропозиция» легко образовать такие сочетания, как «пропозициональная установка», «пропозициональное содержание», «пропозициональный концепт» и т. п. В-третьих, имеется устоявшийся термин «пропозициональная логика», который едва ли следует заменять термином «логика суждений» (см. также обсуждение самого Чёрча: Там же. С. 32).

кой смысла предложения как процедуры его проверки. Пропозиция, соответствующая предложению A , есть репрезентация такого положения дел, когда A истинно. Если же A не истинно, то это не означает истинности $\neg A$, и тогда помимо пропозиций, выраженных предложениями A и $\neg A$, появятся еще какие-то сущности, которые будут соответствовать ситуации, в которой не истинно ни A , ни $\neg A$. Можно попытаться спасти подход Рассела, сказав, что A несигнификативно, но этот термин определяется просто как сокращение для «не истинно ни A , ни $\neg A$ », содержащее намек на дефект языка, никак не объясняемый.

Для именного выражения, т. е. для такого выражения, которое не является предложением, смысл может быть конституирован, во-первых, как понятие и, во-вторых, как прагматическое указание и является своего рода тестом, т. е. процедурой, отделяющей одни выражения от других по ряду признаков. Понятие «концепт» соответствует любой форме смысла имени. Может ли концепт не быть концептом чего-либо, или может ли смысл не быть смыслом никакого имени? В силу эпистемической природы смысла, это, конечно, невозможно, поскольку быть смыслом или концептом означает быть смыслом имени или концептом его денотата, но в логической системе неизбежно будут фигурировать нерепрезентированные смыслы, потому что квантификация проводится по всем возможным объектам, а не по действительным в том или ином специально уточняемом смысле, и мы без затруднений ведем речь о предметах, в том или ином смысле не существующих, т. е. недействительных.

Функционирование смысла как прагматической единицы можно проиллюстрировать примером. Как будто бессмысленное имя нарицательное «абырвалг» имеет в качестве своего смысла некоторое очень бедное понятие об абырвалгах, которое содержит единственную характеристику, а именно: абырвалг — это объект, который называется именем мужского рода «абырвалг». И это не тавтология, поскольку, зная, что некоторый объект называется абырвалгом, мы можем заключить, что он, коль скоро используется имя нарицательное, подпадает под соответствующее родовое понятие, т. е. в каком-то смысле является абырвалгом, а быть чем-либо и принадлежать к классу предметов, называемых так-то и так-то, — это свойства, тождественные только для достаточно компетентного субъекта. Безусловно, в этом случае информация ничтожно мала и совершенно неоднозначна, поскольку ситуация произнесения

поясна, а она может дать много дополнительных сведений, но прагматическая конструкция, соответствующая понятию об абырвалге, тем самым уже сформирована и открыта для внесения новых характеристик объекта. Иными словами, здесь уже отражено наше знание того, как следует формировать понятие и осуществлять указание, и это знание оказывается предпосланным любой конкретной и осознанно осуществляемой процедуре такого рода. Для этого мы располагаем устойчивыми мыслительными и прагматическими навыками.

Множественность смысла

Одним из следствий процедурной трактовки смысла является множественность смыслов для одного и того же выражения, которую, однако, не следует путать с двусмысленностью в обычном понимании этого слова. Выражению может быть сопоставлено множество смыслов, потому что существует множество различных способов задания одного и того же денотата для этого выражения, хотя прагматически оказываются задействованными только некоторые из них, а если сузить анализ до некоторого субъекта, некоторого места и некоторого времени, то более чем вероятно, что им будет использован только один смысл выражения из множества доступных ему. Обычная двусмысленность представляет собой неопределенность того, какую из процедур установления денотации, например для слова «замок», необходимо выбрать. Поэтому двусмысленность не есть альтернативность выбора той или иной процедуры указания денотата, коль скоро идентифицировать объект, например зебру, можно самыми различными способами, по-разному располагая последовательность верифицируемых признаков, по-разному их komponуя и т. д. Умножение смыслов достигается и без выделения их субъективных компонент, просто за счет того, что мы перестаем считать синонимичными определения зебры как «животного, покрытого черными полосками, которые чередуются с белыми», и как «животного, покрытого белыми полосками, которые чередуются с черными».

Может показаться, что есть объекты, природа которых исключает множественность смысла для обозначающих их имен, например «число, большее всех натуральных» или «натуральное число, меньшее, чем 2, и большее, чем 0». Но если раскрыть определения терминов, входящих в эти выражения, то никакой единствен-

ности их содержания мы не увидим. В точных науках, как и во всех прочих, единственность смысла у термина достижима только на «верхних этажах» знания и является иллюзорной. У истоков любого знания находятся элементарные мыслительные операции — метрические, мериологические, логические, различные модусы наблюдения и т. п., которым соответствуют такие термины, как «нечто», «один», «много», «такой же», «другой», «следующий», «предыдущий», «сопоставлен», «здесь», «теперь» и т. д.⁸ Эти термины по своей природе имеют множество обычно отождествляемых смыслов, т. е. множество различных способов, с помощью которых этим терминам можно сопоставить один и тот же денотат.

При анализе смысла функционального выражения, т. е. когда смысл функции есть функция на смыслах, мы также получаем множественность. Для предложения, смысл которого конституируется в зависимости от подразумеваемого смысла его компонент, например для предложения «*4 делится на 2 без остатка*», денотаты этих компонент могут быть заданы по-разному, поэтому и проверка истинности предложения в каждом случае пойдет новым путем, приводя, однако, к одному результату. Это зависит и от смыслов именных выражений, и от смысла функции. Пусть, например, денотаты имен «*4*» и «*2*» определены, а для предиката «*делиться без остатка*» возьмем два разных смысла:

- (1) «*делиться без остатка*» для *A* и *B* означает, что после ряда манипуляций с калькулятором на табло появляется число, в котором после запятой стоит один только знак 0;
- (2) «*делиться без остатка*» для *A* и *B* означает, что процедура деления в столбик заканчивается и частное является целым числом.

Если смыслы выражений «*4*» и «*2*» таковы, что их денотатами являются соответственно числа 4 и 2, то проверка предложения, независимо от выбора процедур (1) или (2), приведет к результату «И». При обычной формализации функции, обозначающие процедуры (1) и (2), окажутся тождественными функциями в силу принципа экстенциональности. Их различие становится возможным, когда вводится интенциональный контекст, например контекст эпистемических установок, семантика которого исключает логическое всеведение и предполагает некоторый ограниченный мир знания,

⁸ В «Категориях» Аристотеля также можно усмотреть ряд такого рода терминов.

сопоставляемый каждому субъекту. Это значит, что интенциональный компонент семантики предиката «*делиться без остатка*» для двух различных субъектов может оказаться различным и установка субъекта *i* будет, например, подразумевать процедуру (1), а установка субъекта *j* будет подразумевать процедуру (2) просто потому, что *i* умеет делить с использованием калькулятора, но не умеет делить в столбик, а *j* калькулятора никогда не видел. В этом случае множественность смыслов будет репрезентирована неравенствами имен смыслов, обоснованием которых будут служить предикаты, выражающие наличие тех или иных пропозициональных установок субъектов.

Глядя на проблему со стороны субъекта, можно утверждать, что если мы располагаем каким-либо знанием о способе задания денотата имени, то это означает, что мы располагаем понятием, выступающим в роли смысла этого имени. Это понятие может быть сначала очень бедным, а затем начать модифицироваться и пребывать в любых модификациях своего содержания, вплоть до кардинальных, сохраняя при этом первоначальную отнесенность к термину. Субъект знания конечен и располагает конечными знаниями, поэтому и множество понятий, т. е. смыслов именных выражений, актуально использованных им, также конечно. Поле же всех возможных понятий бесконечно, и, рассуждая, так сказать, «объективно», можно сразу принять существование всех понятий, т. е. всех возможных процедур задания каких угодно денотатов, в том числе неосуществимых и неэффективных. Выбор «объективной» или «субъективной» точки зрения на существование концептов существен для логики интенциональных сущностей, поскольку, выбрав бесконечный универсум интенциональных сущностей, мы сталкиваемся со множеством описанных уже проблем ЛСД, а выбирая «субъективную» точку зрения, оказываемся в сфере конечных семантических действий, для описания которой понадобится инструментарий динамической семантики, систем модификации знания⁹ или эпистемической логики.

Субъект эпистемических установок в теории смысла

Охарактеризуем теперь роль субъекта установок в теории смысла. Смысл предложения *B*, являющийся в специально уточняемом

⁹См.: Gaerlendors P. Knowledge in Flux. Modeling the Dynamics of Epistemic States. Cambridge (Mass.); L., 1988; Groenendijk J., Stokhof M. Dynamic Predicate Logic // Linguistics and Philosophy. 1991. Vol. 14. P. 39–100.

смысле эффективной процедурой установления его денотата, будем называть *пропозицией* и обозначать как $\{\overline{B}\}_1$, так, чтобы отличать синтаксически полученное имя смысла $(B)_1$, которое является правильно построенным выражением, даже если B парадоксально, от смысла B как эффективной процедуры. Выражения вида $(B)_1$, где B — парадоксальное предложение, рассматриваются как *непропозиции*¹⁰. Свойства непропозиций не уточняются. Руководствуясь принципом композициональности, согласно которому денотат (смысл) сложного выражения есть функция денотатов (смыслов) его частей, можно средствами теории типов построить язык так, чтобы парадоксальные выражения не считались формулами, а выражения, обозначающие их смыслы, допускались в язык и рассматривались как нерепрезентированные смыслы, т. е. такие, которые не являются смыслами каких-либо предложений. Иными словами, смыслом предложения является только такая процедура, которая сопоставляет ему денотат как функцию денотатов его компонент и которая построена по некоторым общим правилам. Исключение парадоксальных выражений из языка-объекта с помощью синтаксических ограничений вызвано тем, что для их распознавания не существует эффективного метода. Вместе с тем мы знаем, что такое парадокс, и не испытываем затруднений как при употреблении, так и при упоминании парадоксальных высказываний. Это говорит о том, что субъектам эпистемических установок доступны интуитивные механизмы, позволяющие распознавать парадоксальное даже тогда, когда для этого не хватает логического аппарата. Будем поэтому считать, что субъекты эпистемических установок при исследовании смысла некоторого предложения используют знания, полученные от *семантического оракула*, — так можно назвать способность субъектов интуитивно распознавать непропозиции, и тогда, рассматривая выражение вида $(C)_1$, субъект, компетентный для оценки предложения C , приходит к одному из выводов:

1. $(C)_1$ — истинная пропозиция,
2. $(C)_1$ — ложная пропозиция,
3. $(C)_1$ — не является пропозицией, а C — парадоксально, т. е. не истинно и не ложно.

Именно так субъект эпистемических установок заявляет о се-

¹⁰Различение пропозиций и непропозиций было предложено в работе: Aczel P. Frege Structures and the Notions of Proposition, Truth and Set // The Kleene Symposium / Ed. by J. Barwise, H. Keisler, K. Kunen. Dordrecht, 1980. P. 31–59.

бе в теории смысла. Там, где раньше исследование останавливалось перед малодоступным для анализа понятием парадоксального, атрибуты которого отрицательны, семантический оракул, т.е. интуиция субъекта, выносит определенное решение, устраняя тем самым неопределенность в интерпретации интенциональных сущностей, сопоставляемых в качестве смысла парадоксальным предложениям. Такое предложение, в свою очередь, получает некоторый статус как прагматическая единица, а семантика языка-объекта остается двусмысленной. Использовать в процессе коммуникации и утверждать парадоксальное предложение субъект может либо по неведению, из-за неправильной (ошибочной) его трактовки, либо намеренно, имея целью, например, сбить с толку собеседника, свести аргументацию к абсурду, посеять среди слушателей или читателей сомнение в том, что рациональная логическая аргументация может привести к позитивному знанию, и т.п. Дифференциация целей говорящего и общий анализ прагматики высказывания, пропозициональное содержание которого парадоксально, позволяют дать характеристику коммуникативному поведению субъекта, а затем, используя знания о его компетентности, вменить ему те или иные пропозициональные установки, отражающие его отношение к парадоксальному высказыванию, и непропозиции, выступающие в роли его смысла. Последний шаг будет при этом обоснован чисто логически.